

ДРЕВНИЙ (ДОМОНГОЛЬСКИЙ) ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рассматривается проблема древнего развития государственности в Центральной Азии в контексте современных социально-политических теорий, а также дается анализ значения Западной Сибири в этих процессах. Делается вывод, что крупные общественно-политические образования существовали в Западной Сибири уже в начале нашей эры. Эти образования имели свойства ранних государств, однако подробные данные по их внутреннему устройству пока отсутствуют. Процесс генезиса государственности в Западной Сибири вполне соответствовал социально-политическим процессам, протекавшим в центральной части Евразии и не обладал доминирующим свойством архаичности.

Ключевые слова: Сибирь, государство, Центральная Азия, тюрки, политика.

Генезис любого государства – сложный процесс, зависящий от множества факторов социального, экономического и природного характера [1]. Вслед за социально-экономической и технологической эволюцией человеческих сообществ, таким образом, происходит и эволюция политических институтов, которые часто, развивая отдельные стороны организации государства, сохраняют родовые свойства, наследованные из прошлого [2].

Современные исследователи предлагают подходить к оценке тех или иных социально-политических объединений с более гибких позиций [3], отказываясь от методики ведения дискуссий, которые сводятся, например, только к наличию или отсутствию родовых отношений (и их форм) у тех или иных народов [4]. Следовательно, «необходимо отказаться от хронологических обобщений, рассматривая каждое кочевое общество как феномен и не стремясь сразу определить место данного коллектива в мировом социогенезе» [5].

Западная Сибирь, особенно ее южная часть, – это территория, которая в обозримом прошлом (по крайней мере последние 5 тысяч лет) в силу своих природно-климатических условий являлась местом активного межкультурного диалога [6]. Главная причина – проходящая здесь граница двух принципиально отличающихся друг от друга природных зон – степи и тайги, а также перекрещивания традиционных для Евразии торговых путей «восток – запад» и мощных речных систем «север – юг». Здесь формируются условия для межплеменных связей и технологического обмена в эпоху бронзы [7], а затем складываются почти идеальные условия для возникновения первых объединений кочевых племен, которые становятся политическими инструментами для защиты надежного торгового обмена между скотоводами, земледельцами, металлургами древности [8].

На сегодняшний день известно, что по крайней мере в конце эпохи бронзы уровень общественного развития человеческих общностей в Западной Сибири достигает той планки, при которой необходимы активные торговые связи с соседями [9] – вплоть до образования чего-то вроде «торговых факторий» среднеазиатских государств «на территории обширной варварской периферии по аналогии с греческими торговыми центрами на берегу Черного моря» [10] (так интерпретируются поселения Бурла-3 и

Кайгородка-3 на территории нынешнего барнаульского Приобья). К тому же, по крайней мере юг Западной Сибири уже с середины I тыс. до н. э. включен в торговый обмен в рамках образовавшегося Шелкового пути (его северных ответвлений) и других торговых путей, соединявших восток и запад Евразии [11].

Данных о социальном и тем более политическом устройстве насельников Западной Сибири в этот период фактически нет. Но существуют данные археологических раскопок, по которым уже в этот период можно говорить об «огромной культурно-исторической общности, сформировавшейся на территории от Северной Норвегии до Саян» [12].

Также важно подчеркнуть наличие больших по меркам того времени социальных общностей. Например, площадь только одного комплекса сооружений Чэс-тэй-яга (территория нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа) позволяет предположить, что «их могли построить лишь 200–250 человек» [13]. В то же время в Южной Сибири фиксируются еще более значительные общности. Например, на сооружение только одного кургана пазырыкской культуры на Алтае, по подсчетам М.П. Грязнова, требовалось не менее 3000 человеко-дней тяжелого физического труда, а по количеству коней в ряде гробниц этот же исследователь делает вывод, что под началом одного предводителя (он называет его «вождем») находилось не менее 14 родов [14].

О политическом устройстве этого объединения, можно сказать, ничего неизвестно, однако очевидно, что подобные объединения должны были отличаться сложной внутренней организацией. А.П. Окладников говорит о «достаточно развитом раннеклассовом обществе с главным вождем – царем по главе, как это было у скифов, описанных Геродотом» [15]. Примечательно, что уже в этих объединениях мы находим черты, оказавшие существенное влияние на формирование политических институтов в Западной Сибири, которые впоследствии проявятся в тюркских государствах и державе Чингисхана. Так, известно, что первый скифский царь, легендарный Колаксай, разделил территорию своего царства на три части, поставив во главе каждой из них отдельного правителя, практически независимого во внутренних делах [16].

Относительно хунну (III век до н. э. – I в. н. э.) известно прежде всего, что эта держава точно распространила свое влияние на некоторые части Южной Сибири [17], и для управления этими территориями вводится специальный пост наместника в северо-западных владениях [18]. Известны также и общие принципы организации политических институтов. Про общество хунну в III в. до н. э. Сыма Цянь писал: «Ставятся

левый и правый сянь-ваны, левый и правый военоначальник. От левого и правого сянь-ванов до данху, сильных, имеющих десять тысяч всадников – всего двадцать четыре начальника, для которых установлено звание вань-ци... Каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников...» [19]. Подобное деление народа на такие военно-административные единицы в дальнейшем станет одним из универсальных свойств политического устройства государств центральной Азии [20].

В этот период исследователи также вновь фиксируют огромную по территории и составляющим группам культурно-историческую общность на большей части Евразии. Это подтверждают данные мифологии (например, схожее божество Мир-сусне-хум у иранцев и обских угров [21]), уже упомянутые археологические источники и даже единство отдельных составляющих языка [22], которое впоследствии выльется в «единый литературный древнетюркский язык» [23].

Одну из ключевых ролей в формировании политических традиций и отдельных государственных институтов в Западной Сибири, конечно, сыграло образование и развитие Тюркского каганата (552–603) и его преемников [24]. История возвышения тюрков начинается на Алтае, где постепенно складывается их политическое объединение – союз племен [25]. Согласно одной из легенд о происхождении тюрков, которые упомянуты в сборниках официальных китайских документов Чжоу шу, Бэй ши и Суй шу, предки тюрков жили на берегу «большого болота» [26] – по всей вероятности, речь идет о Васюганье.

Дальнейшие исследования подтвердили, что культурное и политическое влияние тюрков в Западной Сибири простиралось далеко севернее предгорий Алтая. Согласно археологическим данным, в VII в. группы тюркоязычного населения вторглись на территорию Барабинской лесостепи в погоне за «прекрасными пастбищными угодьями и прекрасными возможностями для охоты» [27].

Росту могущества Тюркского каганата способствовала благоприятная для молодого объединения международная обстановка: на западе шло противостояние Ирана и Византии, на востоке – смуты в Китае. «Все это отвлекло внимание от роста молодого государства» [28]. Это способствовало генезису государственного устройства посредством преемственности ряда институтов от соседей, а также переосмысления и переработки государственного опыта включенных в каганат народов [29]. В результате, например, у китайских государств тюрки «унаследова-

ли двадцативосьмиклассную бюрократическую систему» [30] (создатель империи тюрок Тоньюкук воспитывался в Поднебесной), а также восприняли государственные традиции осколков и преемников других центральноазиатских объединений, в том числе, скифов и хунну [31].

Наиболее взвешенной представляется позиция, согласно которой, по уже сложившейся в Центральной Азии традиции, каган (хакан) – это верховный правитель, которому «всего лишь» подчинялись другие власти [32]. Позже эту традицию мы видим в каганатах-преемниках. Например, Западно-Тюркский каганат представлял собой «федерацию десяти тюркских племен, и каждая часть страны (западная и восточная. – С. Ч.) имела собственного князя» [33]. Впервые такое деление произвел в 575 г. Таспар-каган, назначивший для управления восточным и западными областями державы двух малых каганов [34].

Также в Тюркском каганате мы встречаем соединение военного и административного управления государством, а также «десятичное» деление подданных страны. Ключевой фигурой здесь являлись тарханы (князья), руководившие отрядами в одну или десять тысяч воинов. И именно здесь мы встречаем новацию, которую позже воспримут многие государства этого региона: между царем и князьями появляется еще один управленческий слой – «апа-тарханы», которые возглавляли «отряды других беков» [35]. Позже в Западной Сибири, в монгольском государстве и на русских землях этот титул, как известно, будет носить наименование великого (или большого) князя [36].

Уже к середине II тыс. н. э. произошла тюркизация угорского и самодийского населения южной части лесного Зауралья, Прииртышья, Новосибирского и Томского Приобья и формирование в этих районах различных групп сибирских татар. Политической структурой общества при этом являлась военная демократия [37]. К тому же, продвижение этих групп с юга на север, которое явно не происходило без конфликтов с местным населением, стимулировало «милитаризацию общества перед лицом внешней угрозы» [38], т. е. способствовало развитию локальных государственных институтов.

Однако вряд ли это влияние было повсеместным [39]. Скорее всего, оно касалось небольшого количества сколько-либо крупных объединений и не повлияло на остальное население по целому ряду причин: большие расстояния, сложности с коммуникациями, низкая плотность населения и т. д. Все это вело к «нестабильности элиты и неустойчивости политических образований, социальной мобильности, что исключало раннегосударственный уровень интергации» [40]. По меньшей мере это применимо к

разбросанным по территории Западной Сибири небольшим группам местного населения, где тип социальной жизни вообще не подразумевает (кстати, вплоть до нынешнего времени) значительного социально-политического развития [41].

Однако все косвенные факторы говорят о том, что в рассматриваемый период большая часть Западной Сибири находилась в ореоле культурно-политического влияния государственных образований Центральной Азии [42]. Западная Сибирь в древности и средневековье, скорее всего, представляла собой чересполосицу традиционных общественных укладов и устроенных по современным для того времени принципам политических объединений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С. 97.
- [2] Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) // Проблемы истории докапиталистических обществ : сб. ст. М., 1965. С. 89.
- [3] Козьмин Н. П. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М., 1934. С. 75.
- [4] Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. С. 214.
- [5] Кулешин В. М., Лукина Н. В., Молданов Т. А. и др. Мифология хантов. Томск, 2000. С. 52.
- [6] Васютин С. А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. С. 5.
- [7] Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 61.
- [8] Ураи-Кёхальми К. К вопросу об образовании кочевых государств (на материалах даурской племенной конфедерации XVII века) // Урало-Алтаистика: археология, этнография, язык : сб. ст. Новосибирск, 1985. С. 125.
- [9] Шамшин А. Б. Некоторые проблемы изучения памятников эпохи поздней бронзы в лесостепном и степном Обь-Иртышском междуречье // Западная и Южная Сибирь в древности : сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 153.
- [10] Там же. С. 154.
- [11] Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVII вв. (межгосударственные отношения). М., 1991. С. 32.
- [12] Полосьмак Н. В. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск, 1989. С. 91.
- [13] Ураи-Кёхальми К. Указ. соч. С. 125.
- [14] Троицкая Т. Н. Народы и культуры скифосибирского мира. Новосибирск, 2011. С. 124.
- [15] Окладников А. П. Открытие Сибири. М., 1979. С. 94.
- [16] Хазанов А. М. Указ. соч. С. 127.
- [17] Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960. С. 75.
- [18] Угдыжеков С. А. Государственная власть и обычное право хакасов // Проблемы истории

- государственного управления и местного самоуправления Сибири. Абакан, 2004. С. 286.
- [19] Хазанов А. М. Указ. соч. С. 127.
- [20] Марков Г. Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 2010. С. 59.
- [21] Яшин В. Б. Роль мифологии в изучении ирано-угорских контактов // Археологические, этнографические, исторические источники по истории Сибири : сб. ст. Омск, 1986. С. 66.
- [22] Окладников А. П. Указ. соч. С. 83.
- [23] Кляшторный С. Г. Древнетюрские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 51.
- [24] Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из 21 века. М., 2009. С. 68.
- [25] Молодин В. И., Савинов В. С., Елагин В. С. и др. Бараба в тюрское время. Новосибирск, 1988. С. 3.
- [26] Кляшторный С. Г. Указ. соч. С. 103.
- [27] Молодин В. И., Савинов В. С., Елагин В. С. и др. Указ. соч. С. 3.
- [28] История народов Узбекистана с древнейших времен до начала XVI века. Ташкент, 1959. С. 142.
- [29] Горбунов В. В. Военное искусство алтайских тюрков в раннем средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии : сб. ст. Новосибирск, 2007. С. 95.
- [30] Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М., 1946. С. 106.
- [31] Викторова Л. Л. Становление классового общества у древнемонгольских кочевников // Проблемы истории докапиталистических обществ : сб. ст. М., 1965. С. 572.
- [32] Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 135.
- [33] История народов Узбекистана... С. 144.
- [34] Горбунов В. В. Указ. соч. С. 87.
- [35] Там же.
- [36] История народов Узбекистана... С. 140.
- [37] Уддыжеков С. А. Указ. соч. С. 287.
- [38] Кодес А. В. Историко-правовые основы формирования и развития государственности в Волго-Камской Булгарии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С. 7.
- [39] Арсланова К. И. К вопросу о взаимосвязях урало-алтайского населения в IX–X вв. // Урало-алтаистика: археология, этнография, язык : сб. ст. Новосибирск, 1985. С. 65.
- [40] Бояршинова З. Я. Указ. соч. С. 75.
- [41] Троицкая Т. Н. Указ. соч. С. 147.
- [42] Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 234.